

Володин Сергей Филиппович

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 1930-Х ГГ. О ПРОБЛЕМАХ ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В статье рассматривается опыт осмысления советскими экономистами 30-х гг. XX в. проблем труда в годы первой пятилетки. По мнению автора, социально-экономическая публицистика этого времени достаточно критически освещала узловые проблемы хозяйственного строительства, в том числе вопросы эффективности труда. Это ? текучесть рабочей силы, ее слабая профессиональная подготовка, недостаточный уровень использования оборудования, "штурмовые" методы управления и др. Вместе с тем, эта критика была призвана содействовать преодолению обнаруженных недостатков, в том числе посредством пропаганды передовых методов организации эффективного труда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 58-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается опыт осмысления советскими экономистами 30-х гг. XX в. проблем труда в годы первой пятилетки. По мнению автора, социально-экономическая публицистика этого времени достаточно критически освещала узловые проблемы хозяйственного строительства, в том числе вопросы эффективности труда. Это – текучесть рабочей силы, ее слабая профессиональная подготовка, недостаточный уровень использования оборудования, «штурмовые» методы управления и др. Вместе с тем, эта критика была призвана содействовать преодолению обнаруженных недостатков, в том числе посредством пропаганды передовых методов организации эффективного труда.

Ключевые слова и фразы: индустриализация; производительность труда; первая пятилетка; социалистическое соревнование; трудовая дисциплина; ударничество.

Володин Сергей Филиппович, к.и.н., доцент

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

volodin93@yandex.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 1930-Х ГГ.
О ПРОБЛЕМАХ ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ** ©

Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 15-11-71001.

Базовые подходы в отношении анализа проблем эффективности труда в советской промышленности в 30-е гг. XX в., безусловно, определялись установками руководителя Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) И. В. Сталина. При этом совокупность проблем форсированного хозяйственного строительства диктовала особую логику в обосновании проводимой генеральной линии. Характерна в этом отношении прозвучавшая ремарка партийного лидера на апрельском (1929 г.) пленуме Центрального Комитета ВКП(б). Критикуя позицию представителей правого уклона в отношении политики хлебозаготовок, он тут же продемонстрировал пример «правильной» диалектической трактовки текущей хозяйственной действительности. «Возьмем такую меру, как проведение 7-часового рабочего дня. Не может быть никакого сомнения, что эта мера есть одна из самых революционных мер, проводимых нашей партией за последнее время. Кому не известно, что эта, по существу глубоко революционная, мера то и дело сопровождается у нас целым рядом перегибов, иногда самых отвратительных? Значит ли это, что мы должны отменить политику проведения 7-часового рабочего дня?» [24, с. 92]. Ответ для партийного форума был очевиден: нет, не значит.

В том же выступлении Сталин по существу сформулировал и предметное преломление гипотетических исследований проблем социалистической реконструкции промышленности. Речь, в частности, шла о воплощении в жизнь таких неразрывных «кюзунгов», как снижение себестоимости продукции, укрепление трудовой дисциплины, развертывание социалистического соревнования. Особое значение в свете «шахтинского дела» также приобретали политически значимые меры по организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов, борьбе с вредительством [Там же, с. 12, 18]. Но, конечно, в пропагандистском ключе главным предметом публицистики (а, значит, историографии тоже) должны были стать примеры производственного энтузиазма. Отныне труд становился делом чести, доблести и героизма, а носитель этих черт должен был быть «окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся» [25, с. 315]. В свою очередь вопросы рационализации, снижения себестоимости, улучшения качества продукции и другие являлись прикладными мерами в достижении поставленных грандиозных задач.

Среди советских экономистов, современников реализации курса на форсированную индустриализацию, наблюдалась определенная функциональная специализация. Одни должны были, главным образом, обосновывать основные цели и результаты курса, другие – освещать конкретные проблемы хозяйственной практики, а также предлагать действенные меры для их решения. Конечно, в этой логике приоритетное значение имела первая задача, выполнявшая которую предназначалось экономистам первого ряда. Примечателен в этом отношении первый выпуск «Планового хозяйства» за 1929 г. В заглавной статье номера Г. М. Кржижановский писал о том, что начатая в СССР форсированная индустриализация советского типа должна была обеспечить наиболее эффективную и сложную кооперацию машин и человека. Теперь этот процесс определялся не индивидуальным творцом машины – инженером, а вооруженным творческой мыслью веков человеческим коллективом. Основным рычагом этой творческой мысли являлся стратегический научный план, исполнение которого обеспечивало качество всеобщей типизации и стандартизации производства, его механизации и электрификации. В плановом хозяйстве в ближайшем будущем должны были утвердиться цены, непосредственно выражающие собой трудовые расходы. В результате, считал Кржижановский, восторжествует энергетическая теория денег [11, с. 11-12]. В долгосрочной перспективе, как предполагал Л. М. Сабсович, за первые две пятилетки основной капитал советской промышленности должен был увеличиться более чем в 6,5 раза, что позволило бы избавиться от устаревшего оборудования. Уже в годы второй пятилетки он проектировал возможность перехода всей промышленности на шестичасовой рабочий день. Причем в третьей пятилетке была бы создана возможность перехода на пятичасовой рабочий день, равный по производительности

текущей выработке восьмичасового рабочего дня американского рабочего. Как результат, жизненный уровень рабочего должен был повыситься более чем в четыре раза и т.д. [21, с. 70-72].

Правда, в этом же номере звучал и голос «осторожности», причем не без определенной самоиронии в отношении новой ситуации, в которой оказалась отечественная экономическая наука. Отвечая неумеренным оптимистам, С. Г. Струмилин в поток обычной аргументации включил вполне откровенные слова: «Конечно, соответствующим давлением на специалистов, проектировавших отдельные элементы плана, я мог бы легко добиться полной ликвидации всякой осторожности. К сожалению, подвергать испытанию гражданское мужество тех специалистов, которые уже и без того иной раз в кулуарных признаниях предпочитают “стоять” за высокие темпы развития, чем “сидеть” за низкие, – едва ли было рационально» [26, с. 109].

Впрочем, вскоре критике со стороны власти подверглись наиболее фантастические проекты «левых загибчиков» [10]. Достаточно скоро обнаружились реальные проблемы форсированного развития. Так, экономист-трудовик Г. Полляк в статистическом обзоре по труду указал на неблагоприятные показатели реальной заработной платы в первую половину 1928/29 г. [18, с. 59-60]. Тогда же резко обозначилась проблема текучести, которая по представлению экономистов являлась основной причиной срыва выполнения плановых директив по повышению производительности труда и снижению себестоимости продукции. Представлены многочисленные примеры пониженной эффективности нового оборудования, вызванной отсутствием необходимого количества квалифицированных работников, а подчас и технического персонала, знакомого с новым оборудованием [32, с. 22]. Свои трудности сулил переход на семичасовой рабочий день. Например, нередко в ткацком производстве ткач, работая на одном станке, давал 20 метров, а при переходе на два станка – только 22 метра вместо 40, что означало существенное понижение производительности труда на единицу оборудования. К тому же семичасовой рабочий день оборачивался дополнительными расходами на заработную плату. Ведь приработок при новой длине рабочего дня мог доходить до 134%, тогда как раньше он не поднимался выше 69% [6, с. 21]. Причем при переходе на семичасовой рабочий день сменность в машиностроении и металлообрабатывающей оставалась на уровне 1,25, т.е. девятичасовой работы оборудования. И до непрерывного производства в этих отраслях было весьма далеко [17, с. 27]. Беспокоила экономистов и проблема низких качественных показателей промышленного производства. «В то время как по количественному росту продукции первые два года пятилетки превысили проектировки пятилетнего плана на 13-15%, по себестоимости мы имеем недовыполнение плана на 37%», – отмечал Ш. Турецкий [28, с. 74]. Причем в 1931 г. положение с себестоимостью стало еще хуже. Вместо ее запланированного снижения обнаружилось ее повышение на 5-6%. Другими словами, громадные капитальные вложения и рационализаторские мероприятия не давали необходимого качественного эффекта. Речь шла о низких коэффициентах использования оборудования, что выражалось в громадном перерасходе сырья, топлива и материалов, а также фонда заработной платы. «Удельный вес зарплаты в себестоимости тонны угля составляет около 60%. В 1931 г. мы имели заметный разрыв между наличными и работающими механизмами. Так, по Донбассу (за 9 мес.) отношение работающих врубловых машин к наличным составляло 70%, по Уралу – 54% и по Востокуглю – 58%. Еще более неблагоприятную картину дают легкие врубловые машины и отбойные молотки» [29, с. 66].

В начале первой пятилетки обозначилось резкое недовыполнение плана по росту производительности труда. Ш. Турецкий объяснял это несколькими обстоятельствами. В русле политической установки он указывал на то, что соревнование и ударничество протекало при недостаточно активном участии хозяйственных и профсоюзных руководителей. Продовольственная проблема им была упакована в обтекаемую формулировку «недостаточной увязки» плана снабжения рабочих с производственными задачами. Также, по его мнению, негативно сказывались на производительности такие явления, как текучесть рабочей силы, вовлечение в ее состав новых необученных кадров [28, с. 89].

Поскольку одной из центральных проблем первой пятилетки стала текучесть кадров, важно было осмыслить это явление во всей полноте и отдельных деталях, чтобы разрабатываемые меры против текучести рабочей силы действительно носили комплексный характер. Как раз эту задачу и попытался решить экономист З. Л. Мордухович (Мохов), представив логичную систему анализа разностороннего статистического материала по резко обозначившейся проблеме. Как отмечал экономист, отличительной чертой этого всплеска текучести являлось ухудшение качественного состава рабочей силы. Повторялась одна и та же картина: на производстве в числе выбывающих удельный вес рабочих с длительным стажем был значительно выше, чем при приеме на работу [15, с. 37]. Между тем текущая статистика труда, по его мнению, слабо отражала подлинные причины такой подвижности рабочей силы. На самом деле за стандартными формулировками причин увольнения – «по собственному желанию», «за неисполнение правил внутреннего распорядка» и т.п. – скрывалось действие мощных социально-экономических факторов.

Раскрывая социальные корни текучести, исследователь указывал на то, что немалая часть рабочего класса все еще крепко была связана с землей. Соответственно их «процесс самоопределения весьма длителен и требует создания ряда экономических и бытовых условий, в частности резкого усиления темпов жилищного строительства» [Там же, с. 47]. Закономерным следствием этого периода было омоложение рабочего состава, падение удельного веса кадровых рабочих. Понятно, что крестьянская, неустойчивая молодая масса работников, вливающаяся в промышленное производство, представляла собой наиболее подвижную часть среди рабочих. Также в соответствии с логикой классовой борьбы З. Л. Мордухович (Мохов) отмечал значение такого факта, как «просачивания» на промышленные предприятия «верхушечных слоев деревни», а также не-пролетарских элементов города. Этот «классовый враг» всячески агитировал за высокие расценки, поддерживал рваческие тенденции, заражал отсталые слои рабочих бродяжничеством. Под воздействием этих непролетарских сил был выдвинут широко распространенный лозунг «зима ваша, лето наше» [Там же, с. 50-51].

То есть обострение классовой борьбы в результате курса на сплошную коллективизацию не могло не сказаться на промышленном производстве, в том числе в отношении остроты текучести рабочей силы.

Разумеется, масштаб текучести рабочей силы в годы первой пятилетки в значительной степени определялся недостатками самого хозяйственного механизма, а, значит, недостатками управления хозяйственными процессами. Одна из первых проблем этого ряда заключалась в разном и пестром уровне оплаты труда рабочих промышленности. В самом деле, ставка кузнеца высшей квалификации в каменноугольной промышленности была в два раза ниже, чем в электротехнической отрасли. Нередкими были случаи резких колебаний заработной платы одной и той же квалификации в пределах одного и того же района, а то и соседних предприятий. Получалось так, что в Ленинграде, к примеру, квалифицированные рабочие текстильных фабрик получали ниже малоквалифицированных рабочих металлопромышленности [Там же, с. 54-57]. И, кроме того, срезом этой проблемы являлась практика нормирования. Рабочие «перетекали» туда, где нормы выработки не были напряженными, а расценки, наоборот, были высокими. С другой стороны, квалифицированных работников никак не устраивала распространенная практика «уравниловки» в заработной плате [Там же, с. 58-60].

Существенную долю вины за создавшееся положение с текучестью кадров З. Л. Мордухович (Мохов) возлагал на хозяйственников, не сумевших по объективным и субъективным причинам обеспечить необходимый уровень организации труда. Сюда относился широкий круг вопросов по снабжению и жилищно-бытовому обслуживанию рабочих, постановке технического нормирования и – главное – планированию кадрового состава предприятий. Между тем на местах широко использовалась практика временного найма, «переманивания» работников. Во многих случаях сохранялись обычаи артельного найма, «магарыча», кумовства и др. [Там же, с. 66-67]. В этой связи исследователь горячо приветствовал правительственные решения о создании системы подготовки профессиональных кадров, поощрения работников, длительное время работающих на одном предприятии.

Одним из важных компонентов, определяющих производительность труда в годы индустриализации, безусловно, являлась трудовая дисциплина. Рассматривая критерии статистического наблюдения данного феномена трудовой деятельности, Ю. Калистратов предложил выделить четыре аспекта его измерения: 1) дезорганизация в использовании рабочего дня; 2) дезорганизация производственных процессов; 3) общая дезорганизация трудового режима (пьянство, хулиганство на рабочем месте и т.п.); 4) прочие нарушения, носящие преимущественно судебный характер [9, с. 46]. Однако проблема здесь заключалась в том, что не все эти аспекты отражались статистикой. Поэтому в оценке явления приходилось опираться на ведомственные материалы, фиксировавшие ослабление трудовой дисциплины со второй половины 1927/28 г. Этот факт подтвердила и правительственная комиссия, инициировавшая старт кампании по укреплению трудовой дисциплины на промышленных предприятиях [Там же, с. 50]. Как показывала практика, ослабление дисциплины влияло на поведение хозяйственников. Они начинали накапливать излишки рабочей силы, чтобы компенсировать нарастание текучести, общее падение трудовой дисциплины. С другой стороны, накопленные излишки рабочих рук оказывали отрицательное воздействие на состояние дел в промышленном производстве [8, с. 18, 24, 31].

Как известно, идеология штурма первой пятилетки воплотилась в новых формах соревнования: ударничестве, непрерывном производстве, сменно-встречном планировании и др. Разумеется, все эти начинания должны были сопровождаться мощным пропагандистским сопровождением. Поэтому в этом деле особую роль были призваны играть авторы, специализирующиеся на производственной тематике и умеющие в соответствии с идеологическим заказом писать в жанре очерка, брошюры, популярной статьи. Значение таких текстов было чрезвычайно велико, поскольку именно в них опробовались принципиальные фразеологические обороты и интонации, с помощью которых формировался особый язык заданного временем трудового пафоса первых пятилеток. В этом новом дискурсе отдельные «маленькие люди», вовлеченные в ударный труд во имя социалистической реконструкции народного хозяйства, обретали черты героев исторического преобразования действительности. Прежде всего, рисовался образ молодых подвижников – «революционеров производства», как например бригады точильного отделения Златоустовского механического завода. Комсомольцы этой бригады обогнали по выработке кадровиков за счет организации производственного потока [1, с. 28-29]. «Преимущественно молодежные бригады, – писал Д. Резников, – расчищали пути для старых производственников, и последние часто отдавали должное молодежи за ее героические порывы, переход в ударные бригады». Причем молодежь шла дальше: она создавала трудовые коллективы и коммуны. В них переходили на уравнительную систему оплаты, на выполнение одной и той же работы, независимо от индивидуальной квалификации участников квалификации. И это свидетельствовало «о громадном сдвиге, выражающем стремление рабочих уже на данной стадии положить начало коммунистическому сотрудничеству на производстве...» [19, с. 19]. Хотя такая работа могла быть осуществима «только при наличии технических предпосылок – однотипности и однородности работ, непрерывного потока и зависимости рабочих в процессе работы друг от друга» [Там же].

Суть коллективов и коммун Ю. Калистратов видел в коллективном повышенном темпе работы. Их участники «крепче спаяны друг с другом, среди них шире развита производственная взаимопомощь, глубже проведен самоконтроль...» [7, с. 10]. В коммунах начинают отмирать индивидуалистические стимулы труда, стремление больше взять из общественного котла [4, с. 11]. В свою очередь А. Хавин рисовал облик образцового ударника, выступающего инициатором повышения норм и снижения расценок, дисциплинированности и общественной активности. Такой ударник был призван «добиться изменения *самых методов работы, должен проявить максимум инициативы и творчества*» [31, с. 23]. И, как писали авторы подобных текстов, тому «были примеры». Вместе с тем невозможно было изображать явление ударничества только как победное шествие. Современники не могли не отмечать недовольство со стороны немалой части рабочих, опасавшейся увеличения вследствие ударничества меры интенсивности своего труда, изменения сложившихся внутрицеховых отношений. Например, в книге «Московские ударники за работой» приводились

следующие факты: «Обращение бригады “Электрозавода” о добровольном снижении расценок было встречено в штыки: “Зачем снижение?”. Даже отдельные партийцы держались неверной линии, советуя “не восставлять против себя рабочих”» [16, с. 27]. Один из рабочих «заявил на производственном совещании цеха, что “нам невозможно конкурировать с капиталистическими странами”, что “невозможно выполнять 1 400 пар обуви в день, сохраняя качество” и что, – по его мнению, – “соцсоревнование, это – выживание последних соков и сил рабочих”» [Там же, с. 29]. Собственно, подобные факты признавались на официальном уровне. Секретарь Всесоюзного совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Г. Вейнберг объяснял их следующим образом: «Отсталые и чуждые элементы на предприятиях угрожают ударникам, причем не только на производстве, но и дома, в бараке, происходят споры и ссоры среди родных» [3, с. 43].

К концу пятилетки пафос трудового натиска предстояло дополнить другими лозунгами. Ведь как бы ни был важен трудовой энтузиазм масс, ключевое значение для эффективности промышленного производства имело качество всего производственного процесса. Выступая на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., Сталин обозначил основной порок хозяйственной работы этого времени – бумажный стиль руководства. В конечном счете, это оборачивалось тем, что партия не владела в полной мере производственным процессом, не являлась его полноценным хозяином. «Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики, финансов, у нас не будет действительного единоначалия» [23, с. 37]. Вопрос о качестве управления Сталин поднял в июле того же года, сформулировав шесть условий развития промышленности. По существу ему пришлось корректировать «левацкие» методы хозяйственной работы, связав этот поворот с новыми задачами. Тот, «кто строит теперь тарифную систему на “принципах” уравниловки, без учета разницы между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом» [22, с. 57]. Необходимо было положить заслон бесхозяйственному ведению дела путем «нового» внедрения и укрепления хозрасчета. А в целом от руководителей требовалось, чтобы они «входили в технику дела, вникали в детали дела...» [Там же, с. 78].

Поворот в политической линии не мог не сказаться и на процессе осмысления проблем первой пятилетки. Примечательны в этом отношении биографические очерки-интервью «Люди Сталинградского тракторного», в которых прежний опыт хозяйствования подвергнут серьезной критике. Так, бывший руководитель завода В. И. Иванов отмечал: «Но самое главное состояло в том, что мы еще не добились того, чтобы молодой рабочий понимал с полуслова свой станок. <...> Я слишком поздно понял, что ошибся, когда убеждал, что управлять нашими станками очень просто. Когда со мной до пуска завода спорили, что нужно готовить специфические кадры, я отвечал, что это выдуманные трудности. Я брал ставку на комсомол» (*так в тексте – прим. автора – С. В.*) [5, с. 55]. Как оправдывался директор, на предприятии пытались бороться с массовой технической безграмотностью, «кустарщиной и азиатщиной». А в этой системе координат неточность деталей могла подправляться ломиком [Там же, с. 60–61]. Впрочем, отмечали другие современники, сама эта борьба с «кустарщиной и азиатщиной» во многом имела привкус того же свойства: накачка, крепкое словцо. Последующее исправление логики штурма, отмечал бывший секретарь парткома завода И. Б. Лапидус, потребовало внесения корректив и во внутризаводской политике. Пришлось обратиться за помощью к опытным рабочим, кадровикам, которых также немало было на заводе. «Потомственный пролетарий долгими месяцами копил кровную обиду на молодого станочника. Он не мог спокойно смотреть, как тот, не выключив станка, торопился выскочить за ворота завода. Он презрительно провожал его глазами и потом тщательно вытирал, осматривал, высушивал брошенный станок» [12, с. 81]. В результате переосмысления роли кадровых рабочих их начали активно выдвигать на административно-техническую работу.

Для исправления ситуации пришлось уделить гораздо большее внимание жилищно-бытовой стороне жизни заводчан, подтянуть дисциплину. Причем в этих случаях инициатором выступал Центр. «Помню, как товарищиправдисты ловко выводили на чистую воду “святых духов”. Десятки, сотни прогульщиков поручали своим знакомым отмечать их на работе, знакомые вешали за прогульщиков их рабочие номера, а последние сидели дома, пьянствовали или уезжали за Волгу на рыбную ловлю» [Там же, с. 89]. Однако дело было не только в нажиме сверху. Как вспоминали наладчики станков А. Фридман и И. Биргер, постепенно вызревали процессы производственного и – шире – социального взросления заводской молодежи [30]. Об этом же говорил Л. Макарьянц. «Мы думали, что в советских условиях наш завод будет работать так: если рабочий проработал на одной операции несколько дней, его перебросят на другую. Мы считали это “социалистическими поправками к фордовской системе”. <...> Некоторые люди в течение месяца переходили со станка на станок раза четыре. Мы уже считали себя квалифицированными рабочими и <...> ломали станки» [14, с. 175]. Но именно в среде наиболее активной части комсомольской молодежи завода, отмечал Л. Макарьянц, нашли отклик правительственные призывы в отношении культуры быта и организации хозрасчета в производстве [Там же, с. 180–181].

Поворот в хозяйственной политике должен был оказать существенное воздействие на внутрипроизводственную жизнь предприятий. Заявленные еще в начале пятилетки принципы организации хозрасчета на уровне предприятий по существу оставались бумажными декларациями, поскольку, как и единоначалие, хозрасчет не шел вниз – в цехи, бригады. Теперь же предстояло установить «тот реальный “контроль рублем”, который заставит всех без исключения хозяйственников осуществить хозрасчет “де-факто”, а не “де-юре”» [20, с. 4]. Этой же цели служили и печатные материалы, пропагандирующие передовой опыт организации «сквозного хозрасчета». Так, директор завода «Севкабель» А. Литвинов в своей книге 1932 г. выпуска подробно осветил характерные особенности организации заводского хозрасчета на каждом уровне производства [13]. Прежде руководство завода не знало о заданной и фактической себестоимости выпускаемых цехом полуфабрикатов и готовых изделий. Правильная же постановка внутризаводского планирования и учета позволила решить эту задачу.

Отныне начальник цеха получал не только количественные, но и все качественные показатели плана. В свою очередь перевод цехов на хозрасчет повлек за собой заключения взаимных договоров между производственными цехами на поставку полуфабрикатов в определенном ассортименте и в установленные сроки. И согласно внутриводскому учету каждый цех имел свой счет лимитов (контокоррент), который он должен был покрывать сдачей готовой продукции. Отсюда основным методом заинтересованности каждого субъекта производства являлась экономия материальных средств, на основе которой осуществлялось премирование персонала. Кроме того, хозрасчет спускался ниже – в 188 бригад, работающих на основе месячного промфинплана, закрепляемого договором с начальником цеха. При этом личный интерес членов бригады первоначально определялся нормами расходов по составным элементам себестоимости, а затем – заданиями по себестоимости выпуска [Там же, с. 34-35]. А поскольку премирование рабочих напрямую зависело от данных заданий, то это стимулировало их на активное участие в обсуждении промфинпланов, сменно-встречных планов.

Конечно, передовой опыт «Севкабеля» не мог воспроизводиться повсеместно, поскольку для этого требовался высокий уровень производственной и экономической культуры всех звеньев промышленного предприятия. Достаточно скоро на местах научились показывать хозрасчет на бумаге. Как отмечал Г. Вейнберг, «Хозрасчет в цеху давно декларируется, но, к сожалению, подлинного хозрасчета еще во многих цехах, даже переведенных на хозрасчет, мы не имеем» [2, с. 12].

Уже к середине 1930-х гг. начинали формироваться устойчивые представления не только об историческом значении первых пятилеток, но и о конкретном социально-экономическом содержании этого периода. Так, Э. Н. Бронштейн, один из авторов книги, опубликованной в 1934 г., рассматривал это время главным образом как развитие форм социалистического соревнования – ударничества, встречного промфинплана, техпромфинплана, бригадного хозрасчета. Однако это развитие не обходилось без серьезных издержек. Материалы обследования ВЦСПС и Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) свидетельствовали о практике административного насаждения хозрасчетных бригад, запаздывания нарядов-заданий, задержек с начислением премий. Существенный размах приобрела текучесть рабочей силы [27, с. 48-70]. «С этой дезорганизаторской распушенностью отсталых слоев рабочего класса, подпавших под разлагающее влияние классового врага» правительству пришлось бороться совокупностью решительных мер. Были приняты декреты об охране социалистической собственности, о борьбе с прогулами, о расширении функций заводоуправлений в области снабжения и изменении карточной системы [Там же, с. 63]. Главное же заключалось в том, что экономика страны изменилась кардинально. Основной капитал промышленности к 1 января 1932 г. обновился на 57%, а энерговооруженность труда поднялась на 41% [Там же, с. 89]. И хотя план пятилетки по росту производительности труда не был выполнен, ее динамика точно соответствовала росту энерговооруженности труда.

Содержательную логику в развитии форм социалистического соревнования попытался проследить М. Эскин. Так, на первом этапе (1929-1930 гг.) основной формой соревнования выступала ударная бригада как метод борьбы передовых рабочих «с чуждыми, хвостистскими, консервативными элементами и всем капиталистическим наследием на производстве...» [33, с. 61]. В борьбе за ликвидацию прорывов на производстве ударные бригады молодежи, считал М. Эскин, показывали образцы новых методов работы, более высокую производительность труда. Правда, на этом этапе неизбежно возникали элементы «детской болезни» главным образом в жизнедеятельности производственных коммун. «Коммуны вскоре оказались в состоянии глубокого противоречия между условиями производства и условиями распределения, между различием в количестве и качестве труда разных производителей, с одной стороны, и равной оплатой, с другой» [Там же, с. 74]. Зачастую это приводило к тому, что из коммун выходили наиболее квалифицированные рабочие, чья материальная заинтересованность оказывалась подорванной. Нерациональным был также практикуемый метод свободного перехода внутри коммуны от одной производственной функции к другой. «Такая форма организации труда приводила к нерациональному использованию квалифицированной рабочей силы и являлась базой для обезлички оборудования и мелкобуржуазной уравниловки в оплате труда» [Там же, с. 77]. Отсюда – новый закономерный этап в развитии социалистического соревнования на основе «исторических речей» Сталина 1931 г. Ударные бригады в массовом порядке начали переходить на хозрасчет. А хозрасчетный договор для бригады стал выступать социалистическим обязательством, подкрепляемым премией от экономии на материалах, на сокращении брака ниже технически допустимых норм и т.д. Вместе с тем и эта форма организации, по М. Эскину, имела свои собственные ограничения. Чрезвычайно низкая норма премирования, основанная «на грошовой экономии на инструменте, сырье и вспомогательных материалах» не могла служить кардинальному улучшению дел на производстве. Хозрасчет должен был быть органически связан с коэффициентом использования машины, с выполнением основных технических условий производства [Там же, с. 90]. Поэтому в борьбе за освоение новой техники в первые годы уже второй пятилетки и возник техпромфинплан с техническим экзаменом и другими его составными элементами. Это подразумевало всестороннее изучение рабочими элементов технологического процесса, его подкрепление техническими мероприятиями, разработанными при участии рабочих [Там же, с. 99]. Наконец, на основе передовых форм соревнования по освоению передовой техники, возникло стахановское движение, кардинально изменившее организацию самого трудового процесса.

Таким образом, анализ работ советских экономистов, относящихся к исследованию проблем эффективности труда в годы первой пятилетки, дает основания для следующих выводов. Экономическая публицистика 1930-х годов была призвана, прежде всего, освещать пафос трудовых свершений этих лет. Вместе с тем, текущий социально-экономический подход 1930-х гг. был направлен на исправление текущих огрехов хозяйственной практики, и поэтому он предполагал известную меру критического отношения к действительности. Собственно же исторический подход, носители которого вышли на авансцену несколько позже, выполнял главным образом политико-идеологическую задачу, поэтому он должен был отражать минувшую хозяйственную практику сквозь призму более жестких ограничений на критический анализ экономических реалий.

Список литературы

1. Бубекин В., Филиппов А. Ударные бригады. Опыт Урала. М.: Молодая гвардия, 1929. 48 с.
2. Вейнберг Г. Задачи и работа хозрасчетных бригад: речь на 1-ом Всесоюзном совещании хозрасчетных бригад. М.: Профиздат, 1932. 72 с.
3. Вейнберг Г. Социалистическое соревнование и задачи ударных бригад: доклад на 1-ом Всесоюзном съезде ударных бригад 5 декабря 1929 года. М.: Изд-во ВЦСПС, 1930. 79 с.
4. Зархий С. Коммуна в цехе. М. – Л.: Молодая гвардия, 1930. 78 с.
5. Иванов В. И. Мечта // Люди Сталинградского тракторного / сост. Я. Ильин. М.: ОГИЗ, 1933. С. 17-62.
6. Иоселиани Е. Семичасовой рабочий день // Статистическое обозрение. 1929. № 8. С. 18-24.
7. Калистратов Ю. За ударный производственный коллектив. М.: Изд-во ВЦСПС, 1930. 58 с.
8. Калистратов Ю. Конъюнктура труда в первом году пятилетки // Статистическое обозрение. 1929. № 12. С. 12-39.
9. Калистратов Ю. Трудовая дисциплина в промышленности СССР (ее критерии, социально-экономическое содержание и методология наблюдения) // Статистическое обозрение. 1929. № 10. С. 44-50.
10. Квиринг Э. И. Проблемы генерального плана // Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 5-25.
11. Кржижановский Г. М. Энергетика и социалистическая реконструкция // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 7-53.
12. Лапидус И. Б. Первый год // Люди Сталинградского тракторного / сост. Я. Ильин. М.: ОГИЗ, 1933. С. 63-90.
13. Литвинов А. Завод сплошного хозрасчета. М. – Л.: Партийное изд-во, 1932. 92 с.
14. Макарьянц Л. Да, мы ломали станки... // Люди Сталинградского тракторного / сост. Я. Ильин. М.: ОГИЗ, 1933. С. 170-184.
15. Мордухович (Мохов) З. Л. На борьбу с текучестью рабочей силы. М. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931. 160 с.
16. Московские ударники за работой: по материалам обследования МОСПС и МК ВЛКСМ. М.: Изд-во МОСПС «Труд и книга», 1930. 80 с.
17. Паскуцкий Н. А. Встречный промфинплан в системе планирования // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 26-36.
18. Полляк Г. Труд в СССР в 1927/28 г. и первую половину 1928/29 г. // Статистическое обозрение. 1929. № 6. С. 49-60.
19. Резников Д. Ударные бригады социализма. М. – Л.: Гос. изд-во, 1930. 64 с.
20. Рыбаков И. И., Фарафонтъев Б. В. Хозрасчет в действии. Практика хозрасчета. Изд-е 3-е перераб. Л.: Ленингр. обл. изд-во, 1931. 88 с.
21. Сабсович Л. М. Гипотеза масштабов продукции основных отраслей народного хозяйства СССР в период генерального плана // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 54-103.
22. Сталин И. В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. С. 51-80.
23. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. С. 29-42.
24. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. С. 1-107.
25. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. С. 235-373.
26. Струмилин С. Г. О темпах нашего развития. К дискуссии о пятилетке // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 104-116.
27. Труд в первой пятилетке / под ред. М. Кривицкого. М. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 104 с.
28. Турецкий Ш. Борьба за качественные показатели плана // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 66-114.
29. Турецкий Ш. Итоги и перспективы в области качественных показателей // Народное хозяйство в СССР. 1932. № 1-2. С. 63-77.
30. Фридман А., Биргер И. Год рождения 1911-й // Люди Сталинградского тракторного / сост. Яков Ильин. М.: ОГИЗ, 1933. С. 121-150.
31. Хавин А. От ударных бригад к ударным цехам и заводам. Как надо и как не надо работать ударникам. М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. 56 с.
32. Цигельницкий М. Фабрично-заводская промышленность в I полугодии 1928/29 г. // Статистическое обозрение. 1929. № 7. С. 20-27.
33. Эскин М. Основные пути развития социалистических форм труда. Изд-е 2-е доп. и перераб. Л. – М.: Соц. эконом. изд-во; Ленинградское отделение, 1936. 240 с.

**ECONOMIC PUBLICISM OF THE 1930S ON THE PROBLEMS
OF LABOUR IN THE YEARS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN**

Volodin Sergei Filippovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
volodin93@yandex.ru

The article examines the experience of interpreting by the Soviet economists of the 1930s the problems of labour in the years of the first five-year plan. According to the author, the social and economic publicism of this period rather critically covered the key problems of economic development including the problems of the efficiency of labour. It is the fluctuation of manpower, their poor professional training, the insufficient level of equipment use, "rush" management, et al. At the same time this criticism was aimed to remove the identified shortcomings, in particular, by the propagation of advanced methods to organize efficient labour.

Key words and phrases: industrialization; productivity of labour; the first five-year plan; socialist competition; labour discipline; high-powered work practices.